

А. А. Бестужев-Марлинский. Вечер на бивуаке

OCR: Pirat

Доп. правка: В. Есаулов, сентябрь 2004

...Едва проглянет день,
Каждый по полю порхает,
Кивер зверски набекрень,
Ментик с вихрями играет.
Конь кипит под седоком,
Сабля свищет - враг валится,
Бой умолк - и вечером
Снова ковшик шевелится.
Давыдов

Вдали изредка слышались выстрелы артиллерии, преследовавшей на левом фланге опрокинутого неприятеля, и вечернее небо вспыхивало от них зарницей. Необозримые огни, как звезды, зажглись по полю, и клики солдат, фуражиров, скрип колес, ржание коней одушевляли дымную картину военного стана ***го гусарского полка эскадрону имени подполковника Мечина досталось на аванпосты. Вытянув цепь и приказав кормить лошадей через одну, офицеры расположились вокруг огонька пить чай. После авангардного дела, за круговую чашею, радостно потолковать нераненому о том о сем, похвалить отважных, посмеяться учтивости некоторых перед ядрами. Уже разговор наших аванпостных офицеров приметно редел, когда кирасирский поручик князь Ольский прыгнул перед ними с коня.

- Здравствуйте, други.

- Добро пожаловать, князь! Насилу мы тебя к себе залучили; где пропадал?

- Спрашиваются ли такие вопросы? Обыкновенно, перед своим взводом, рубил, колол, побеждал, - однако и вы, гусары, сегодня доказали, что не на правом плече **ментик** носите; объявляю вам мою благодарность. Между прочим, вахмистр! прикажи выводить и покормить моего Донца: он сегодня ничего не кушал кроме порохового дыма.

- Послушайте-ка, ваше сиятельство...

- Мое сиятельство ничего не слышит и не слушает, покуда не выпьет глинтвейну, без которого ему ни светло, ни тепло; давайте скорее стакан!

- Изволь! - сказал ротмистр Струйский. - Но знай, что эта чара заветная: за нее ты должен приплатиться анекдотом.

- Хоть сотней! За ними дело не станет; я весь слеппен из анекдотов и расскажу вам один из самых свежих, со мной случившихся. За здоровье храбрых, товарищи!

Как-то недавно у нас не было дни в три ни крошки провианту. Кругом, по милости вашей и казацкой, стало чисто, как в моем кармане, а, на беду, тяжелую конницу фуражировать не пускают. Что делать? Голод тем более умножался, что во французской линии слышалось гармоническое мычанье быков, которое плачевным эхом раздавалось в пустом моем желудке. Рассуждая о суете мирской, лежал я, завернувшись буркою, и грыз сухарь, так залпесневелый, что над ним можно бы было учиться ботанике, так черствый, что его надо было провозжать в горло шомполом. Вдруг блеснула во мне пресчастливая мысль. Сейчас же ногу в стремя - и марш.

"Куда, - спросили меня, - едешь ты на своей бешеной Бьютти?"

"Куда глаза глядят".

"Зачем?"

"Умереть или пообедать!" - отвечал я трагическим голосом, дал шпоры и, показывая вид, будто меня занесла лошадь, пустился птицею и скрылся из глаз изумленных моих товарищей. Они считали меня погибшим. Проскакав русскую цепь, я навязал на палаш платок, который в молодости своей бывал белым, и поехал рысью.

"Qui vive?" - раздалось с неприятельского пикета.

"Parlementaire russe!" - отвечал я.

"Haltela!"

["Кто идет?" - "Русский парламентар". - "Остановитесь!" - фр.]

Ко мне подъехал унтер-офицер с взведенным пистолетом.

"Зачем вы приехали?"

"Поговорить с начальником отряда".

"Для чего же без трубача?"

"Его убили".

Мне завязали глаза, повели пешего, и через три минуты я уже по обонянию угадал, что нахожусь подле офицерского шалаша. "Добрый знак! - думал я. - Счастливый как тут к обеду". Снимают повязку - и я очутился в компании полковника и человек осьми конноегерских французских офицеров; малый я не застенчивый.

"Messieurs! [Господа! - фр.] - сказал я им, поклонясь весьма развязно,

- я не ел почти три дня и, зная, что у вас всего много, решил, по рыцарскому обычаю, положиться на великодушие неприятелей и ехать к вам на обед в гости. Твердо уверен, что французы не воспользуются этим и не захотят, чтобы я за шутку заплатил вольностью. Да и много ли выиграет Франция, если завладеет конным поручиком, которого все знания и действия очерчиваются концом палаша?"

Я не обманул: французам моя выходка понравилась как нельзя больше. Они пропировали со мной до вечера, нагрузили съестным мой чемодан, и мы расстались друзьями, обещая при первой встрече раскроить друг другу голову от чистого сердца.

- Не из печатного ли это? - спросил, усмехаясь, штабс-ротмистр Ничтович, который слыл в полку за великого критика.

- Да хотя бы из печатного, - для тебя оно все-таки должно быть новостью! - отвечал Ольский.

- А после какого дела это случилось?

- После того самого, где ты ранен был в сапог. Штабс-ротмистр запил пилюлю и напрасно теребил усы, ища ответа на ответ: на этот раз остроумие его осеклось.

- Не расскажет ли нам чего-нибудь Лидии? - сказал подполковник, обращаясь к молодому офицеру, который в рассеянности курил давно погасшую трубку.